
СССР КАК [НЕ]СОЦИАЛИЗМ

(Эволюция внутренних противоречий советской системы как причина падения «реального социализма»)

*Колганов Андрей Иванович –
д.э.н., зав. лабораторией
экономического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова*

1. Своеобразие баланса социально-классовых сил, сложившегося в результате революции

Достаточно известен тот факт, что Октябрьская революция 1917 года в России произошла в условиях недостаточно зрелых предпосылок для строительства социализма. Ситуация была усложнена тем, что ввиду затухания мирового революционного кризиса не произошло, как ранее ожидалось, победы революции под социалистическими лозунгами ни в одной из развитых капиталистических стран. Поэтому российская революция столкнулась как с отсутствием достаточной материальной базы для движения к социализму, так и с отсутствием соответствующей социальной базы. В этих условиях ведущая социальная роль в становлении нового общества перешла из рук пролетариата в руки бюрократии. И эта проблема обернулась не только социально экономическими, но и политическими последствиями.

Политическая власть, представляющая классы, составляющие меньшинство общества (если оно не заключает с большинством устойчивого социального компромисса), не может опираться на последовательную демократию. Компромисс между городскими средними слоями, рабочим классом и крестьянством, достигнутый в ходе революции, исчерпал себя к началу нэпа, а сделанная нэпом уступка крестьянству делала его терпимым к власти бюрократизированного рабочего государства, но не делала его политическим союзником этой власти.

Однако свертывание демократии в условиях власти меньшинства, если принять во внимание социальную структуру этого меньшинства в условиях СССР начала 20-х годов, имеет свою неумолимую логику. Политический контроль внутри правящих классов сосредотачивается в руках бюрократии, чтобы не допустить какого-либо размывания твердости политической власти, возможного в силу борьбы разных течений внутри пролетариата и между этим последним и бюрократией. Власть рабочего класса подменяется властью его авангарда.

В этих условиях политическая победа Сталина и стоявшей за его спиной партийной и советской бюрократии была не случайна. На дилемму, принявшую вид спора о строительстве социализма в одной стране – *и построить нельзя, и не строить тоже нельзя* – он нашел прагматический ответ.

Поскольку для Сталина на первом месте стояли задачи захвата и удержания личной власти, а затем и укрепления величия (в его собственном, конечно, понима-

нии) той державы, в которой он эту власть захватил, постольку вопрос о реальной социально-экономической природе советского строя был для него хотя и весьма важным, но все же второстепенным. Над ним не тяготела необходимость воплощать в жизнь какие бы то ни было теоретические постулаты или идейные принципы. В этом смысле Сталин не был доктринером, и это была его сильная сторона в борьбе с соперниками, у которых доктринерство оказалось существенной частью их мировоззрения.

В тоже время идеологическое оформление своей власти не было для него вопросом второстепенным. Он понимал, или, во всяком случае, догадывался, что легитимность власти правящей бюрократии, а вместе с нею – и его самого, освящается революцией, совершенной под социалистическими лозунгами. Поэтому позиция Троцкого, убедительно доказывавшего, что вне мировой революции перспектив победы социализма в СССР нет, Сталина категорически не устраивала. Только демонстрация победоносного движения к социализму могла обеспечить ему статус признанного народного вождя.

Вопрос о формировании подлинно социалистических общественных отношений никогда не волновал Сталина сам по себе. Какая разница, что строить, – лишь бы это строительство укрепляло его власть и мощь державы, которой он руководил. Но при этом надо *непрерывно верить, что строишь именно социализм*, а затем – заявить об успешном завершении его строительства. Можно решать задачи догоняющей индустриализации *любыми*, сколь угодно варварскими, методами, разумеется, доступными в тех своеобразных условиях, когда рабочий класс составляет одну из важнейших социальных опор власти, *но обязательно верить, что это и есть движение к социализму*.

Чисто буржуазная модернизация в СССР была уже невозможна (в силу полного социально-политического банкротства российской буржуазии), а социалистическая самостоятельность рабочего класса, да еще и с прицелом на международную социалистическую революцию, была труднодостижимым идеалом и к тому же категорически отвергалась бюрократическим прагматизмом. Поэтому партийное большинство, консолидировавшееся вокруг Сталина, сделало единственно возможным для него выбор. Выбор был таков: индустриализация на основе бюрократической централизации экономики, при отстранении рабочего класса от реальных рычагов политической и экономической власти, при экспроприации не только капиталистического класса, но и мелкой буржуазии, и даже добуржуазного крестьянства. Это создавало возможность как максимальной концентрации хозяйственных ресурсов на задачах индустриализации, так и дополнительной мобилизации этих ресурсов *за счет всех основных социальных слоев советского общества* (не исключая и пролетариат). Таким образом, Сталин нашел *реалистический* ответ на вопрос, как завершить широкомасштабный капиталистический промышленный переворот в государстве без буржуазии.

Противники Сталина и слева, и справа не имели такого прагматического ответа. Программа Бухарина – программа движения к социализму через широкое развитие государственного капитализма – тут же оборачивалась риском капиталистической реставрации в условиях неизбежного роста буржуазных социальных слоев. Кроме того, она существенно ограничивала возможности обеспечить догоняющую модернизацию принудительной мобилизацией хозяйственных ресурсов, как за счет крестьянства, так и за счет рабочего класса.

Программа Троцкого (которая к тому же еще не была внятно сформулирована к середине 20-х гг.) – ограничивать рост буржуазных слоев, а основную ставку сделать на форсированное развитие социалистического сектора на основе развития инициативы и самостоятельности пролетариата (увлекающего за собой и крестьянство) – была, может быть, и довольно выверенной с точки зрения теории социализма, но практически, в условиях России, не реалистичной. *Не было в тогдашней России (да и не могло быть) столько и такого рабочего класса, который смог бы поднять задачу, возложенную на него идеологами «левой оппозиции».*

Сталин политически победил не только на поле идеологических споров, призванных обосновать выбор курса дальнейшего развития страны. Сталин победил и в вопросе выбора баланса тех социальных сил, на которые он мог бы опереться в своей политике. Его программа опиралась на компромисс двух наиболее влиятельных социальных групп, одинаково заинтересованных и в индустриализации, и в недопущении буржуазной реставрации. Это был компромисс рабочего класса с бюрократией при ведущей роли последней.

Сталинская власть была во многом схожа с бонапартистским режимом – как власть, смиряющая разрушительное противоборство различных социально-классовых сил, создающая принудительный компромисс между ними, а потому и приобретающая относительную самостоятельность (благодаря опоре на пассивные социальные слои, опасющиеся развертывания социально-классового конфликта). Отражая интересы в первую очередь бюрократии, Сталин не был ее послушной марионеткой, воплощая в своей фигуре необходимость для бюрократии искать для себя более широкой социальной опоры в лице рабочего класса (что выразилось в создании и постепенном наращивании системы социальных гарантий). Подчас он натравливал рабочий класс на бюрократию, чтобы обеспечить себе возможность политического балансирования и не нести прямой политической ответственности перед выдвинувшим его к власти социальным слоем. Оба этих слоя (и рабочие, и бюрократия) были объединены также своим неприятием любой возможности социального и политического выдвижения буржуазных и мелкобуржуазных слоев.

Линия Бухарина требовала компромисса с мелкобуржуазными, а отчасти и с буржуазными элементами. А такой компромисс был весьма неустойчив и непрочен, ибо буржуазная и мелкобуржуазная его стороны были заведомо против любых игр в

«строительство социализма», да и просто против форсированной индустриализации на спине крестьянства.

Линия Троцкого требовала опоры на рабочий класс против бюрократии. Но эта позиция была нереалистичной в условиях, когда рабочие были явно не в состоянии «своими собственными силами обеспечивать свое классовое господство», будучи не только меньшинством в обществе, но вдобавок еще и необразованным, малокультурным в своей основной массе меньшинством, подвергшимся, кроме того, значительной люмпенизации и деклассированию в ходе гражданской войны. Противостоящая же рабочим бюрократия концентрировала в своих рядах наиболее энергичные и организованные (а нередко и высокообразованные) элементы различных социальных групп.

Бюрократия в социальной структуре общества, осуществлявшего программу «строительства социализма» (а фактически – буржуазной модернизации в социалистической оболочке), была своеобразным субститутутом буржуазии. Но она не была «служилой буржуазией», и, соответственно, советское общество 20-х – 30-х годов *не было обществом государственного капитализма*. Для тех, кто видит во власти Сталина государственно-капиталистическую диктатуру, должно быть совершенно необъяснимым расхождение линии Сталина и линии Бухарина (разве что с точки зрения политического соперничества). Однако советская бюрократия сталинского образца отнюдь не была чистым выражением господства государственного капитализма. В классовом же отношении это вообще не была буржуазная или капиталистическая бюрократия.

Однако какова была природа этой бюрократии? Была ли она, как и любая бюрократия, лишь обслуживающим интересы господствующего класса слоем, пусть и приобретшим некую относительную самостоятельность?

На этот вопрос следует ответить отрицательно. Национализация основных средств производства и сосредоточение руководства экономикой в руках государства создали ситуацию, приближающуюся к той какой сложилась в азиатском способе производства: советская бюрократия совпала (но, в отличие от азиатского способа производства, только в тенденции) с господствующим классом¹.

Однако в 20-е годы советская бюрократия еще не может быть названа классом в собственном смысле слова, и даже классом, выступающим в форме сословия. Административная власть этой бюрократии не была следствием занимаемого ею социально-экономического положения, наоборот – ее социально-экономическое положение вытекало из занимаемых административных постов и с утратой последних мо-

¹ Сравни концепцию Ю. И. Семенова о неополитарном строе в СССР: Ю. И. Семенов. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М.: «Волшебный ключ», 2008.

ментально менялось. Административные прерогативы бюрократии не передавались по наследству. Лишь к концу существования советской системы бюрократия приблизилась к превращению в класс, но так и не перешла этой грани.

2. Социально-экономические противоречия переходного периода и выход из них

Итак, сложившаяся в нэповский период в СССР социально-экономическая структура имела два основных уклада – государственную промышленность и мелкобуржуазное (а во многом и добуржуазное) крестьянское сельскохозяйственное производство. Кроме того, существовали капиталистический уклад (представленный мелким производством и торговлей), кооперативный и государственно-капиталистический. Уклад государственной промышленности представлял собой плод определенного союза между бюрократией и пролетариатом при ведущей роли первой. На этом же союзе, дополненном еще и компромиссом с крестьянством и мелким капиталом, покоилась и вся социально-экономическая система СССР начала 20-х годов. Но как долго могла продержаться эта конструкция?

Пока НЭП обеспечивал быстрое восстановление народного хозяйства СССР, Сталин был горячим поклонником и защитником линии Бухарина, и вместе с ним активно выступал против Троцкого, требовавшего форсировать рост социалистических элементов в экономической системе Советской России, и Преображенского, считавшего невозможным избежать экономического нажима на крестьянство. Когда же Сталин столкнулся с объективными противоречиями нэповской эволюции, что нагляднее всего выразилось в трудностях с хлебозаготовками, он первоначально не ставил вопрос об изменении всей экономической стратегии, а реагировал непосредственно на возникшие затруднения. В основе этих затруднений лежало желание крестьянства получать именно тот товарный эквивалент продаваемому зерну, который нужен ему, а не мириться с заниженными хлебными ценами и завышенными ценами на товары крестьянского спроса ради роста тяжелой промышленности. Кроме того, не получая желаемой отдачи от продажи зерна, крестьянство не имело стимулов и далее расширять производство товарного хлеба.

Чтобы получить крестьянский хлеб для целей индустриализации, надо было или менять структуру промышленного роста в пользу наращивания производства предметов потребления, сельхозинвентаря и сельхозмашин, сокращая тем самым возможности роста тяжелой промышленности, либо обеспечить откачку этого хлеба не через обычную куплю-продажу или товарообмен. Сталин первоначально испробовал известный по гражданской войне метод – чрезвычайные меры при хлебозаготовках, принуждение крестьян продавать необходимое количество хлеба по фиксированным государством ценам. Однако ответ крестьян на применение таких методов также был известен по гражданской войне – страна встала перед призраком крестьянской «хлебной стачки» (то есть сокращения посевов).

Встав перед фактом неэффективности чрезвычайных мер, Сталин в 1928–1929 г. без колебаний пошел на плагиат у левой оппозиции, сделав ставку на социалистическое преобразование деревни, т. е. на производственное кооперирование крестьянства. Но уже в 1929 г. ему стало ясно, что этот подход не даст немедленных результатов, ибо, чтобы вовлечь крестьян в производственные кооперативы (артели) путем хозяйственного примера, нужно обеспечить приток в деревню машинной техники в таких размерах, которые в ближайшие годы были не под силу советской промышленности, обеспечить массовую подготовку кадров, способных управлять крупным механизированным сельскохозяйственным производством, и т.д. Именно поэтому произошел переход к политике принудительной форсированной коллективизации, крестьянские кооперативы были уничтожены и замещены колхозами, сконструированными как полугосударственные предприятия, ставшие составной частью государственного механизма, обеспечивающего *не только принудительное изъятие, но и принудительное производство* сельхозпродуктов.

Достаточно ясно, что этот переход несколько не зависел от социалистических лозунгов, которыми он прикрывался. Ведь одновременно со сталинской коллективизацией уничтожались те социализированные формы экономических отношений в деревне (и не только в деревне), которые были продуктом усилий по ее социалистическому преобразованию в предшествующее десятилетие. Были ликвидированы коммуны, ТОЗы, все сбыто-снабженческие, кредитные (ссудно-сберегательные), машинопрокатные и иные крестьянские кооперативы, а кадры крестьянской кооперации подведены под раскулачивание. В городах была ликвидирована система потребительской и жилищно-арендной кооперации.

Хозяйственный нажим осуществлялся не только на крестьянство, но и на рабочих. Инфляционное финансирование индустриализации, как и сокращение производства продовольствия и сельскохозяйственного сырья, привели к падению реального жизненного уровня не только крестьянства, но и рабочего класса. Однако та часть крестьянства, которая переходила в ряды рабочих, выигрывала как в уровне потребления, так и в социальном статусе.

3. Социализм или государственный капитализм?

Одним из сильных возражений против концепций, отрицающих социалистический характер советского общества, является указание на тот существенный социальный прогресс, который был достигнут в ходе его развития, – прогресс, выходящий за рамки того, что было возможно и допустимо в буржуазном обществе.

Однако, если трезво вычленить именно те составляющие социального прогресса, которые выходят за рамки буржуазно-допустимого, то окажется, что СССР добился многого – и все же не настолько, чтобы заслужить звание социалистического общества.

Бесплатное школьное образование? Это мера вполне буржуазно-демократическая. Бесплатное высшее образование за государственный счет? Да, до сих пор почти ни в одной буржуазной стране эта мера не была распространена на всех студентов. Бесплатное здравоохранение? То же самое – оно есть, но в ограниченных масштабах. Отсутствие безработицы? Вот здесь отличие коренное. Ни одна буржуазная страна до сих пор была не в состоянии подчинить процесс накопления капитала в национальных масштабах задаче обеспечения полной занятости, поскольку это противоречит коренным основам капиталистического строя.

Другая сторона вопроса заключается в том, что вся экономическая и социальная эволюция советского общества предстала перед нами в социалистической оболочке. Безжалостное снижение потребления широких масс ради индустриализации и варварская экспроприация крестьянства для этих же целей – «социализм». Новые отрасли промышленности – «социализм». Снижение уровня неграмотности – «социализм». Начало роста потребления во второй половине 30-х годов – «социализм».

Таким образом, действительно социалистические меры и действительно социалистические формы развития оказались соединены с чисто буржуазным прогрессом и окрасили его в собственные «красные» тона.

Социалистические элементы были представлены в советском строе в нецелостном, усеченном, деформированном виде, и точно так же дело обстояло и с объективно рождавшимися на почве индустриального (а отчасти и доиндустриального) производства капиталистическими элементами. Они тоже были нецелостными, усеченными, деформированными и причудливо переплетались с социалистическими элементами.

В этих условиях само существование такой «мозаичной» системы, состоявшей из смешанных, разнородных (гетерогенных), да к тому же еще и деформированных элементов, как и вектор ее развития, *определялась силой политической и идеологической надстройки*. А эта надстройка была представлена пролетарскими и мелкобуржуазными элементами (главным образом «служащими» из рядов городской мелкой буржуазии), и в политическом отношении, во всяком случае, эти элементы были антикапиталистическими. Существенную роль играло также формирование антибуржуазной культурной традиции. Существенную потому, что *эта культурная тенденция играла важнейшую компенсаторную роль, восполняла недостаток материально-технических, экономических, социальных и политических предпосылок социализма*².

Исключительная роль политической надстройки в условиях, когда классовой опорой государства было меньшинство населения, да к тому же в социально-культурном

² Значение феномена советской культуры и его роль на различных этапах развития СССР показано в работах Л. А. Булавки (См.: Критический марксизм. Продолжение дискуссий. М.: Слово, 2001).

отношении не готовое к самоорганизации в формах, адекватных социалистическим общественным отношениям, породила неизбежную и глубокую бюрократизацию политического строя. *Бюрократия оказалась ведущей цементирующей социальной силой и для экономического строя, и для социальных отношений.*

4. Советский строй 30-х годов как разновидность бонапартизма

Бюрократия встала перед необходимостью жесткой концентрации хозяйственных ресурсов для проведения догоняющей модернизации (что получило позднее отражение в термине «мобилизационная экономика»). Такая концентрация и материальных ресурсов, и трудовых усилий была возможна лишь за счет сильнеешего нажима – как на рабочий класс, так и на крестьянство. *Экономическое* соревнование с капиталистическим укладом было прекращено, и остатки буржуазии, допущенной НЭПом, были ликвидированы административным давлением, а мелкобуржуазное крестьянство сметено коллективизацией. Угроза с этой стороны была ликвидирована – но вовсе не ради интересов рабочего класса и «строительства социализма».

Прежние формы компромисса были отброшены – не без ожесточенной политической борьбы, занявшей почти все 20-е годы, – и политика, проводившаяся с 1929 года, знаменовала собой окончательный переход к *своеобразному советскому бонапартизму*. Правда, для этого пришлось серьезнейшим образом ревизовать прежние установки большевизма – как идейные (например, партийная программа была просто забыта), так и организационные (стремительный отказ от внутривнутрипартийной демократии), – и основательно изменить персональный состав большевистской партии, в конечном итоге превратив ее в период второй половины 20-х – начала 30-х годов в иную политическую организацию, хотя и под старым названием.

Как и любые разновидности бонапартизма, советский был основан на лавировании между противоположными интересами классов и социальных слоев – в данном случае между интересами разросшегося слоя бюрократии и трудящихся классов (как рабочих, так и крестьян). Своеобразие советского бонапартизма заключалось в том, что здесь бюрократия не только превращалась в арбитра борющихся классов, стоя как бы над ними, а на деле достигая компромисса между ними, но в пользу одной из сторон. Она сама была одной из сторон компромисса и арбитром в своем собственном деле. Это было бы невозможно, если бы в советском строе не действовали некоторое время механизмы самоограничения бюрократии, степень которого не стоит преувеличивать, но которое было реальным фактом, на котором только и могла основываться мобилизующая роль бюрократии в деле модернизации³. Это самоограничение, вместе с успехами модернизации, постепенно стало все больше и больше предаваться забвению, и к середине 30-х гг. на бюрократию закапал золотой дожди-

³ Подробнее см.: Колганов А. И. Три модернизации в России и наше время // Политический класс, 2005, № 11.

чек строго отмеренных привилегий – одновременно с радикальной кровавой чисткой ее от носителей старых большевистских традиций.

Масштаб репрессий определялся не только задачами борьбы за власть, но и личными качествами Сталина, болезненно опасавшегося любой потенциальной возможности инакомыслия. Поэтому он не смог обойтись без организации в 1937 – 1938 годах разнузданной политической истерии по поиску «врагов народа», унесшей заодно мимоходом и жизни множества верных приверженцев Сталина. Эта истерия была приостановлена Сталиным только тогда, когда она стала угрожать полным развалом всей системе партийно-государственного управления.

Гораздо сложнее было справиться с социальным недовольством сначала крестьянства, а затем и пролетариата, уязвленных наступлением на их интересы в ходе индустриализации. Если рабочие хоть как-то могли мириться с временным падением жизненного уровня, поскольку индустриализация действительно открывала перед ними дополнительные перспективы (что касается и кадровых рабочих, и в особенности – хлынувшего в 30-е годы потока выходцев из деревни), то гораздо сложнее передовой части рабочего класса было смириться с выхолащиванием их статуса господствующего класса, с глушением или бюрократической формализацией любой инициативы, с отстранением от решения любых производственных вопросов. Короткий всплеск в начале 30-х гг. инициатив рабочего класса, связанных с надеждами, порожденными ускоренной индустриализацией, был либо задавлен (встречное планирование, бригадная организация труда), либо формализован бюрократией (как это произошло с социалистическим соревнованием и стахановским движением).

В совокупности эти проблемы предопределили выбор бюрократией и ее лидером – Сталиным – антидемократической, тяготеющей к тоталитаризму модели общественно-политического устройства СССР.

5. Какая революция осуществлялась в СССР?

Характер фактически происходившей российской революции можно сформулировать следующим образом. *Советская Россия осуществляла две революции одновременно, но они носили по отношению друг к другу не равнозначный характер.* Одна из них – раннесоциалистическая – *послужила оболочкой для другой* – позднекапиталистической – в силу своеобразной расстановки классовых сил.

Попытки проведения раннесоциалистической революции постигла именно та судьба, которая и должна была их постигнуть. Постольку, поскольку для социалистических преобразований все же были некоторые, хотя и очень незрелые, предпосылки в виде капиталистического промышленного уклада, возникли весьма значимые социалистические формы, охватывавшие некоторые стороны социально-экономических отношений. Классовый, политический и идеологический импульс Октября был достаточно силен, к тому же он подкреплялся заинтересованностью советской бюрократии в сохранении идейно-политической оболочки великой револю-

ции, служащей оправданием власти бюрократии. Кроме того, использование этих форм позволяло мобилизовать энергию и энтузиазм рабочего класса. Да и формы государственного централизованного управления национализированной промышленностью, обладая определенной схожестью с предполагаемыми чертами социалистического планового хозяйства, позволяли отождествлять одно с другим.

Некоторая устойчивость этих форм определялась еще и международным положением СССР. Их наличие позволяло СССР занять особое место в мировом хозяйстве и в мировой политике, провести линию твердого внешнеторгового протекционизма в социалистической плановой оболочке, да еще и опереться на поддержку международного рабочего движения, противопоставив себя как «форпост социализма» «капиталистическому окружению» (тем более что наличие реальных социалистических элементов давало на это основания и было действенным средством давления на мировую буржуазию). Однако *эти социалистические формы не развились, да и не могли развиваться в основы социально-экономического строя, сложившегося в СССР*. Более того, имевшиеся элементы социализма сложились в уродливом, деформированном виде (что может служить оправданием применению образного выражения «мутантный социализм» – но не по отношению ко всему советскому строю, а только по отношению к этим элементам).

Если все это обстояло так, то *откуда же взялся ожесточенный конфликт двух мировых систем? Откуда убежденность обеих враждующих сторон в их несхожести и непримиримости? Почему СССР именовался социалистической страной?* Неужели все это было лишь обманчивой внешней формой, чистой иллюзией?

Нет. Можно смело утверждать, что социально-экономическая форма производства, свойственная социализму (социалистические производственные отношения), с одной стороны, не соответствовала уровню производительных сил СССР, и постольку ее существо подрывалось, выхолащивалось (особенно при попытке сделать эти отношения всеобъемлющими), сами отношения уродовались, деформировались. Однако, с другой стороны, это насильственное, неадекватное материальным условиям производства развитие социалистических отношений *вширь придавливало свободное развертывание буржуазных отношений, не давало им сложиться в адекватных формах и приобрести господствующий характер*. С этой точки зрения советский строй можно назвать «запертым» капитализмом.

Такое положение, разумеется, не могло сохраняться вечно (и в конце концов зависимость производственных отношений от уровня и характера производительных сил проявила себя с непреодолимой силой). Но поскольку такое положение сохранялось, СССР не мог стать буржуазным государством, а его строй не мог сложиться как строй капитализма, хотя бы даже и государственного. С точки же зрения социально-политической и вовсе не было никаких оснований считать СССР буржуазным государством (хотя и пролетарский его характер также сомнителен).

Социалистическая форма длительное время играла активную роль по отношению к буржуазному содержанию. И, как я уже сказал, во многом эта роль поддерживалась своеобразной классовой и политической природой советского государства.

Таким образом, советский «социализм» сложился первоначально как незавершенное переходное общество с бонапартистской надстройкой, социально-экономической основой которого было решение задач догоняющей буржуазной модернизации без буржуазии и в оболочке социалистических форм хозяйствования.

Этот результат вполне подтверждает высказанную в общей форме мысль Ф. Энгельса, приведенную им в письме Вере Засулич, по поводу возможной революции в России: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революции, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, – что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели»⁴.

Это была неустойчивая, разнородная, «несбалансированная» конструкция, элементы которой удерживались вместе силой политической надстройки и которая со временем неизбежно начала разлагаться, выхолащивая и вытесняя менее прочные социалистические формы, – впрочем, отчасти сохраняя то из них, что диктовалось общими условиями развития позднеиндустриальной стадии развития производительных сил общества (и что параллельно, хотя и в несколько других социально-экономических формах, развивалось в странах капиталистического «ядра»). Такое развитие социально-экономических последствий российской революции с точки зрения имевшихся материальных предпосылок было наиболее вероятным. Что же касается политической формы этого процесса, сопряженной с произволом времен сталинской диктатуры, то здесь как раз были возможны варианты, борьба вокруг которых, собственно, и была реальной подоплекой политических конфликтов 20-х – 30-х годов.

6. Социально-экономические основы советского строя: некоторые итоги «строительства социализма»

Советский опыт был *исторически не случайной* попыткой формирования альтернативной капитализму системы и в своеобразной форме *выражал необходимость разрешения назревших противоречий развития мирового капитализма (особенно периферийного), причем уже не в чисто буржуазных формах.* Возможность появления таких небуржуазных форм (хотя и в ограниченных пределах, не дающих им развернуться в целостную систему) уже была создана развитием мирового капитализма и его противоречий в начале XX века и его отсталого варианта в России: с одной стороны – сверхэксплуатация рабочих, колониальные захваты, мировая война за

⁴ Маркс. К. Письмо Вере Засулич. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 263.

передел рынков и территорий и т. д.; с другой – рост обобществления производства, доходящий до образования международных монополий, рост боевитости, организованности и классового самосознания рабочего класса.

Буржуазия в значительной мере утратила социальный потенциал разрешения этих противоречий не в разрушительных, губительных для нее самой формах, что проявилось в кошмаре Первой мировой войны и особенно гротескные формы приняло как раз в России. Поэтому импульс разрешения данных противоречий исходил от международного рабочего и социалистического движения (которое само есть *одно из следствий развития капитализма*).

В большинстве стран этот импульс лишь заставил буржуазию искать формы серьезного, не поверхностного социального компромисса с пролетариатом. И только в Российской империи в силу исторически случайного (с точки зрения всемирно-исторического процесса) сочетания обстоятельств капиталистическая буржуазия полностью утратила социальную инициативу, потеряла политическую власть и вообще была изжита как социальный слой (мелкая же буржуазия была сначала поставлена в неравноправное политическое положение, а затем были ликвидированы условия ее воспроизводства как таковой).

Хотя для социалистических отношений *по существу* не было достаточных предпосылок, классовая база революции сделала возможным появление **форм** социалистических отношений (не имевших под собой адекватного содержания). Появление форм этих отношений означало и наличие некоторых (усеченных) элементов формального освобождения труда, которые проявляли себя в советской действительности (сначала прямые, а затем совещательные формы участия в управлении, сохранение контроля профсоюзов над условиями и режимом труда и отдыха рабочих, настойчивые попытки поиска более самостоятельных форм организации труда). Ростки социального творчества работников постоянно пытались пробиться через асфальтовую корку бюрократического господства, особенно тогда, когда бюрократия маневрировала, идя на частичные уступки и компромиссы.

В дальнейшем развитии революции происходило – в острой социально-политической борьбе – постепенное исчезновение либо, в большинстве случаев, вырождение этих форм. Однако многие из них оставались официально признаваемыми общественными атрибутами (роль профсоюзов в контроле над условиями труда и отдыха, «социалистическое соревнование», социальные льготы рабочему классу и др.) и, более того, вытесняли собой все остальные социально-экономические формы. Вот почему социально-экономическое развитие 20-х – 30-х годов могло идеологически оформляться как строительство социализма.

Итак, сталинская модель социализма выступает как *переходная экономическая структура*, но весьма своеобразная. В чем же ее своеобразие? В том, что это было не просто сочетание капиталистических и социалистических производственных отношений (и соответствующих укладов), а более пестрая структура со значительным

удельным весом докапиталистических отношений и укладов. Кроме того, социалистические отношения не имели в этой структуре адекватной социально-экономической базы, поддерживаясь в значительной мере политической и идеологической инерцией революции. Соответственно, *социально-экономические противоречия сложившихся переходных отношений не толкали систему в сторону превращения в социалистическую целостность*. Они толкали ее к превращению в буржуазную целостность, чему некоторое время препятствовала политическая и идеологическая надстройка, равно как и некоторые довольно глубоко укоренившиеся элементы социализма. И поскольку буржуазная социально-экономическая эволюция влекла за собой и формирование потенциала буржуазной политической эволюции, – угроза утраты имевшихся классово-политических позиций, угроза утраты власти вела к тому, что этот путь развития длительное время политически блокировался.

Следует отметить, что концепция советского общества как незавершенного переходного периода восходит к работам Троцкого. Отличие моего взгляда заключается в признании советской переходной модели неспособной самостоятельно прийти к социализму (или, во всяком случае, в оценке шансов такого перехода как крайне малых). Поэтому в моей интерпретации советскую социально-экономическую систему скорее *следует именовать не переходной, а промежуточной*.

Бюрократия выступала в сталинской модернизации как социальный субститут устранившейся буржуазии. Те задачи модернизации, которые ставила бюрократия, объективно отвечали национальным интересам. Они были по содержанию задачами национального буржуазного государства (промышленный переворот, защита территории и территориальная экспансия, защита позиций в мировой экономике), однако в специфическом преломлении, ибо включали существенный элемент классового компромисса как с рабочим классом, так и, в меньшей степени, с крестьянством (в меньшей – потому, что мелкобуржуазные и патриархальные слои в большинстве своем являются неизбежной жертвой промышленного переворота). Постольку буржуазные цивилизационные задачи облекались в оболочку социалистических лозунгов, а отчасти и социалистических форм, особенно в сфере распределения.

Система пребывала в результате в неустойчивом состоянии, сохраняя некоторое равновесие за счет балансирования между ее разнородными элементами и насильственного примирения этих элементов.

7. Эволюция советского строя после «великого перелома»

Период политических чисток и последовавшего за ними «большого террора» совпал со значительной эволюцией советского строя. Были ликвидированы основы существования остатков как капиталистических классов, так и мелкой буржуазии. Была создана современная крупная промышленность, и в связи с этим резко выросла численность рабочего класса, технических специалистов и городского населения вообще. Была в общем ликвидирована неграмотность.

Быстрые и глубокие сдвиги в социальной структуре населения привели к широкому распространению явлений социальной маргинализации – множество людей было вырвано из привычной среды обитания, утратило прежние социальные ориентиры и с трудом осваивало новые. Это явление касалось не только миллионов крестьян, вырванных из деревни и пополнивших ряды городского рабочего класса. Аналогичные проблемы были и у быстро растущего слоя новых советских специалистов, многие из которых вступали на свой жизненный путь вне прямой связи со сложившимися старыми научными и техническими школами. Черты маргинальности были свойственны и молодой поросли советской бюрократии, внезапно, в ходе «большого террора», призванной занять освободившиеся посты, перепрыгивая сразу через несколько служебных ступенек. Стоит заметить, что практически все предперестроечное (брежневское) Политбюро ЦК КПСС состояло из таких выдвиненцев.

Эти социальные сдвиги облегчали бюрократической верхушке манипулирование населением, не приобретшим еще устойчивого классового положения и классового самосознания и потому склонным ориентироваться на навязываемые «сверху» нормы, правила и текущие политические установки.

Агрессия нацистской Германии против СССР, начавшаяся 22 июня 1941 года, выявила как сильные, так и слабые стороны советского общества.

Проведенная индустриализация и создание системы планового хозяйства, в том числе в аграрном секторе, существенно увеличили военно-мобилизационные возможности советского государства. Была создана достаточно современная военная промышленность, позволившая оснастить РККА военной техникой и вооружением, сопоставимым по качеству с вооружением германской армии. Плановое управление экономикой позволяло достичь небывалой для других воюющих стран степени концентрации хозяйственных ресурсов на обеспечении военных нужд.

Однако полностью преодолеть военно-техническое отставание от Германии не удалось. Еще в меньшей степени удалось решить задачу подготовки военных кадров и мобилизационного контингента на уровне, который был бы достаточен для противостояния вермахту. *Эти препятствия носили в основном объективный характер и были обусловлены краткостью исторических сроков, отпущенных СССР для решения указанных задач.*

Следует обратить внимание также на тот факт, что методы проведения индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, методы укрепления государственной власти, применявшиеся в предвоенное десятилетие, привели к значительному обострению социально-политической напряженности в СССР. Значительная часть крестьянства относилась к проведенным преобразованиям отрицательно. Немалое число людей, затронутых политическими чистками и различными формами политической дискриминации, также образовало слой потенциальных недоброжелателей советской власти.

В то же время нельзя отрицать и значительного влияния официальной советской идеологии, и высокого уровня сплочения большинства населения вокруг существующей власти или, по крайней мере, лояльности его к этой власти. Заметный слой советских людей составляли активные приверженцы коммунистической идеологии, видевшие в официальных партийных руководителях, прежде всего в Сталине, олицетворение всех тех реальных успехов, которые были достигнуты СССР под коммунистическими лозунгами.

Значительный запас экономической и политической прочности советской системы, равно как и образование широкой антигитлеровской коалиции, были главными факторами, обеспечившими СССР победу в войне. Материальная помощь западных союзников имела для СССР существенное значение. Но не следует забывать, что оборотной стороной этой помощи был тот факт, что СССР вынес на себе основную тяжесть военных действий против гитлеровской Германии. Ленд-лизом США и Великобритании оплачивали свое неучастие в войне против Гитлера в Европе в наиболее напряженные периоды боевых действий.

8. Причины успехов и упадка «реального социализма». Противоречия экономической системы советского типа

«Строительство социализма», предполагавшее передачу средств производства общественную собственность, а как первый шаг – национализацию основных из них, сконцентрировало колоссальную экономическую и политическую власть в руках бюрократии.

Недемократическая, лишенная сколько-нибудь существенных элементов общественной самостоятельности трудящихся, не создававшая достаточных социально-экономических возможностей для превращения в перспективе труда в творческую деятельность, эта жесткая система в то же время хорошо соответствовала решению задач догоняющей индустриализации. Она обеспечивала возможность высокой концентрации и широкомасштабного перераспределения экономических ресурсов. То же самое касается и осуществления масштабных научно-технических и социальных проектов.

Однако с завершением индустриализации эта система все в меньшей мере стала отвечать задачам обеспечения дальнейшего социально-экономического развития.

Советская модель жесткого централизованного планирования с самого начала обладала рядом недостатков. Среди них – преобладание значения формальных объемных показателей над всеми остальными оценочными критериями; нерешенность не только проблемы сбалансированности выпуска продукции, но и согласования реальных потоков продукции внутри планового периода в соответствии с графиками работы предприятий-смежников; затухание и искажение информации при движении от уровня предприятия на уровень центральных плановых органов; отсутствие

ясных критериев для решения вопроса о структуре выпуска конечной продукции; отсутствие действенных каналов обратной связи потребителя с производителем.

При сравнительно небольших масштабах экономики, несложной отраслевой структуре, простой структуре конечного потребления, пока стояла задача в первую очередь количественного насыщения экономики промышленной продукцией, эти недостатки были терпимы. Более того, они перекрывались достоинствами этой модели – способностью к быстрой и масштабной концентрации ресурсов; способностью к быстрому и масштабному межотраслевому перераспределению ресурсов; более полным, чем в рыночной экономике, использованием ресурсов (именно в силу более слабых экономических ограничений для выпуска продукции).

Однако рост масштабов экономики, усложнение отраслевой структуры и структуры потребления, исчерпание задач (а равно и возможностей) экстенсивного роста промышленности привели к ослаблению достоинств советской плановой модели и к усугублению ее недостатков. Вместе с усложнением экономики возросла громоздкость бюрократического аппарата. Это не только осложнило проблему формирования сбалансированного плана выпуска и распределения продукции, не только усилило затухание и искажение информации на разных уровнях плановой системы, но и породило тенденцию к выделению отраслевых органов управления с подчиненными им предприятиями в обособленные ведомственные системы со своими интересами. Тем самым была ослаблена способность плановой системы маневрировать ресурсами, исходя из народнохозяйственных интересов. Централизованные плановые решения стали все больше превращаться в продукт борьбы и компромисса ведомственных интересов.

Для советской модели централизованной плановой экономики была характерна так же слабость внутренних стимулов научно-технического прогресса. Основным импульс технического прогресса обеспечивался на вершине системы централизованного планового руководства, через формирование и осуществление крупных научно-технических программ и соответствующих инвестиционных решений. Однако на уровне отраслевых структур и предприятий этот импульс резко ослабевал. Нацеленность этих структур на формальные объемные плановые показатели делала техническое обновление производства скорее помехой, нежели средством достижения критериев, задаваемых планом. Поэтому технический прогресс в советской модели принял вид наращивания современного технологического потенциала за счет строительства новых предприятий и торможения технического обновления производства на уже существующих предприятиях.

Существующая в современных экономических системах технологическая неоднородность при таком способе научно-технического прогресса приводила к отраслевому (ведомственному) сегментированию экономики советского типа на довольно заметно различающиеся технологические уклады. В отраслях, где преимущественно концентрировались инвестиционные ресурсы, а вместе с ними – и новые технологии,

формировались высокотехнологичные уклады; в отраслях, относительно обделенных этими ресурсами, консервировалась технологическая отсталость. Особенностью экономики СССР была к тому же повышенная концентрация инвестиций, новых технологий и квалифицированных кадров в оборонном комплексе, что вело к соответствующему обеднению остальных отраслей, в том числе ключевых, определявших техническое лицо экономики – производителей машин и технологического оборудования.

Ослабление эффективности централизованного планового руководства, отмеченное выше (которое особенно сильно проявилось в 60-е – 70-е годы XX века), привело и к затуханию импульсов научно-технического прогресса.

В результате сложившаяся в 30-е годы XX века система воспроизводства стала превращаться в порочный круг. Исчерпание источников экстенсивного наращивания производства (за счет вовлечения в производство новых природных ресурсов, ресурсов рабочей силы, строительства новых предприятий) остро ставило проблему роста эффективности и технического прогресса. Слабость внутренних источников технического прогресса (усугубляемая концентрацией имевшихся ресурсов в военном производстве) привела к поиску решения за счет внешних источников. Энергосырьевой экспорт обеспечивал приобретение новых технологий за рубежом.

Однако постепенное истощение месторождений сырья и топливных ресурсов требовало увеличения доли капиталовложений, направляемых в добывающие отрасли. Разработка новых месторождений обходилась все дороже. К 80-м годам практически все капиталовложения, направляемые в добывающую промышленность, поглощались решением задачи поддержания прежнего уровня добычи. Растущая концентрация инвестиционных ресурсов в добывающих отраслях истощала возможности прогрессивного развития обрабатывающего производства, и в первую очередь машиностроения. Внутренние источники технического прогресса приходили в упадок. Зависимость от импорта технологий усугублялась, а это вызывало необходимость в наращивании нефтегазового экспорта. Порочный круг замыкался...

Концентрация экономических решений в руках бюрократии вела и к соответствующему распределению прав собственности. Общественная собственность, вопреки распространенному мнению, не была фикцией. Но распределение правомочий в рамках общественной собственности, как и тот факт, что общественная собственность имела форму, прежде всего, государственной собственности, передавали бюрократии практически все правомочия владения и распоряжения, оставляя трудящимся права пользования и участия в доходе от собственности. Однако и к осуществлению этих прав трудящиеся имели доступ не непосредственно, а через отношения государственного патернализма.

Существо государственного патернализма заключалось в том, что все предоставляемые трудящимся весьма значительные социально-экономические гарантии и льготы они получали только из рук государственных служащих, включая админист-

рацию государственных предприятий. Это касалось и полной занятости, и обеспечения бесплатным или льготным жильем, и субсидирования отдыха, и т. д. и т. п. Конфликтный потенциал отношений государственного патернализма особенно остро высвечивался наличием у бюрократии собственной, изолированной системы распределения материальных благ и доступа к социально-экономическим льготам и гарантиям при формально провозглашаемом равенстве. Проблема усугублялась явлениями дефицита на потребительском рынке.

Такой характер отношений собственности вел к нарастающему отчуждению трудящихся от государственной собственности. Она все в меньшей мере воспринималась как своя.

Проблемы советской плановой модели вели к росту бюрократизма, коррупции, теневой экономики. Первоначально эти явления выступали как механизмы, компенсирующие недостатки плановой системы. Но с течением времени эти явления стали все больше подрывать плановую экономику. Вместе с количественным ростом бюрократической системы возрастала ее громоздкость и неповоротливость, она распадалась на замкнутые ведомственные системы, что лишало плановую экономику ее преимуществ и усугубляло ее недостатки. Коррупция, в сочетании с ведомственностью и местничеством, из средства решения повседневных проблем, не решаемых официальным путем, все больше становилась средством продвижения частных интересов в ущерб общественным. Теневая экономика не столько компенсировала недостатки экономики дефицита, сколько паразитировала на них, превращаясь в средство обогащения узкого слоя людей за счет проблем всех остальных.

На почве теневой экономики стало формироваться нелегальное частное предпринимательство, которое, в силу своего нелегального характера, требовало покровительства со стороны государственных чиновников. Эти чиновники, в свою очередь, видели в теневой экономике средство обойти ограничения, накладываемые на них официальной бюрократической иерархией. Произошло смыкание дельцов теневой экономики и коррупционеров-бюрократов. Начался процесс латентного роста частно-предпринимательской экономики в недрах плановой системы.

9. Роль бюрократизации советской системы в углублении противоречий «реального социализма»

Успешное осуществление сталинского проекта модернизации СССР означало конец сталинской системы, ибо те же самые формы общественного устройства, которые сделали возможным осуществление этого проекта, сделали невозможной его успешную эволюцию в новых условиях, даже ценой смягчения его наиболее одиозных сторон.

Отказ от претворения в жизнь наиболее прогрессивных черт социалистической модели соответствовал личным наклонностям Сталина и интересам выдвинувшей его бюрократии, хотя и был в достаточной мере вынужденным объективными об-

стоятельствами. И в тоже время именно отказ хотя бы от попыток постепенного наращивания предпосылок для развития самоуправленческой, социально-творческой составляющей социалистического проекта сделал сталинскую систему окостеневшей, неспособной к значительным социальным маневрам и приспособительной эволюции.

Это произошло именно потому, что бюрократия играла ведущую роль в советской системе. Поскольку рабочий класс не смог (отчасти по объективным причинам, отчасти из-за активного противодействия бюрократии) самостоятельно овладеть управлением производством и контролем над государственным аппаратом, функции управления монополизировала бюрократия.

Социальный компромисс бюрократии с рабочим классом, предоставлявший последнему значительные социальные гарантии, обеспечивал заинтересованность рабочих в решении задач индустриализации и, будучи подкреплен активным использованием социалистических лозунгов и атрибутов, в определенный период даже порождал феномен массового энтузиазма в ходе «социалистического строительства». Со стороны бюрократии этот компромисс подкреплялся также активным, а подчас и самоотверженным участием партийных и хозяйственных руководителей в решении задач экономического развития страны. Однако столь же самоотверженное участие бюрократии в реализации очевидно ошибочных установок сталинской политики (головотяпское проведение коллективизации, обернувшееся колоссальными хозяйственными потерями; экономически бессмысленная, не давшая никаких позитивных результатов попытка форсирования темпов промышленного роста в первой пятилетке; развязывание огульных массовых репрессий) показывало реальный статус этого слоя как оторванных от масс и стоящих над массами чиновников.

Объективная экономическая эволюция (технический прогресс, изменения в отраслевой структуре, разбухание и окостенение бюрократического аппарата, сокращение удельного веса сельского хозяйства, урбанизация, рост благосостояния и культурного уровня и т. д.) неизбежно расшатывала и подмывала сложившийся баланс социально-классовых сил и основанный на этом балансе компромисс. Он не мог быть сохранен в неизменном виде, и когда эволюция зашла достаточно далеко, он должен был рухнуть. И действительно, с течением времени социальная основа советского строя стала неизбежно размываться. Бюрократия, укрепив свое господство и начав превращаться в замкнутую наследственную касту, все более обособляла свои интересы от интересов остального общества.

Общая для рабочего класса и бюрократии позиция защиты от буржуазной реставрации потеряла непосредственную актуальность и сохранилась лишь в функции защиты от внешней угрозы (которой было придано гипертрофированное значение). Сам рабочий класс из относительно привилегированного меньшинства с завершением индустриализации превратился в большинство населения (в 1940 году официальная статистика оценивала численность рабочего класса в 23,9 млн. чел. или 38%

заняты, а в 1960 году – уже 55,1%) , и бюрократия уже не могла поддерживать для него прежний высокий социальный статус.

В результате *социальный компромисс, на котором держалось советское общество, стал размываться с двух сторон*. С одной стороны, наемные работники (и особенно научно-техническая интеллигенция) испытывали все большее недовольство от выхолащивания социальных гарантий и потери привилегированного социального статуса. Интеллигенция и специалисты в основном утратили более высокий уровень зарплаток по сравнению с рабочими, а такие важные для этого слоя права, как, например, свобода творчества, были существенно ограничены. Однако и рабочие не приобрели ничего, а их относительно привилегированный статус по сравнению с крестьянством уже не играл сколько-нибудь существенной роли. Реальное наполнение всеобщих социальных льгот и гарантий практически не возрастало, началось их размывание, развитие фактической платности многих формально бесплатных социальных услуг и т. д. Большинство групп наемных работников начинало приближаться к осознанию своей роли как эксплуатируемого социального слоя.

С другой стороны, бюрократия не только реализовала монополию на властно-хозяйственные функции, но и всячески расширяла и укрепляла собственные материальные льготы и привилегии, в том числе и нелегальными путями. Более того, все возрастающей частью бюрократии овладевало стремление превратить чиновничество из условного распорядителя общественного богатства, ограниченного в своих функциях всей остальной бюрократической иерархией, в полноправного собственника.

В советском обществе вместе с нарастанием разрыва между официальными лозунгами и реальной политикой партийно-бюрократической верхушки стал развиваться кризис нереализованных ожиданий. Происходило развитие «теневой» частной собственности под патронажем бюрократии и одновременно латентная «приватизация государства» по кусочкам, подготавливавшая переход к бюрократическому капитализму.

Фактически следует признать, что успешное завершение сталинского проекта создания «социалистической державы» *в принципе не могло* создать социально-экономическую и социально-политическую ситуацию, из которой открывался бы путь к «высшей фазе коммунизма». Сталинская модель переходного общества оказалась тупиковой, не содержащей в себе механизмов эволюции в коммунистическом направлении и, более того, неадекватной даже задачам развития позднего буржуазного общества, позднего капитализма («позднее индустриальное общество» с элементами постиндустриализма).

Но возможен ли был выход (революционный? эволюционный?) из сталинской системы, открывавший путь к социализму?

К сожалению, такой выход был крайне маловероятен. Если некоторое накопление материальных и отчасти экономических предпосылок социализма и происходило

в ходе эволюции советского общества, то *социальные* и *идейно-политические* предпосылки парадоксальным образом не укреплялись, а утрачивались. Советское общество опиралось на «патернализированный» (контролируемый и опекаемый) бюрократией рабочий класс, разочаровавшийся в «социализме» сталинского образца, и на бюрократическую элиту, в которой все сильнее росли тенденции к буржуазному перерождению.

10. Почему было проиграно соревнование с капитализмом?

Буржуазное общество – в наиболее развитых странах, где противоречия капитализма более всего вызрели, – стало эволюционировать, принимая и интегрируя в свою социально-экономическую структуру некоторые уже не вполне буржуазные элементы («ростки социализма»), что стало наиболее заметной чертой в 50-е – 70-е годы XX века. В этом смысле для капитализма XX века стали характерны все нарастающие переходные процессы и формирование переходных производственных отношений, однако, при сохранении господствующей роли капиталистического способа производства. Сюда можно отнести распространение целого ряда ограничений эксплуатации (сужение границ рабочего дня, установление режима отпусков, минимальной оплаты, системы норм, регулирующих условия труда, права на коллективный договор и т. п.) и установление системы социальных гарантий, частично оплачиваемых из прибавочного продукта (пенсии, социальные пособия, в том числе по безработице, финансируемые из бюджета сектора в здравоохранении и образовании и т. д.). Кроме того, продолжали развиваться и ограничения действия рыночного механизма, связанные с разнообразными формами государственного и общественного (например, со стороны профсоюзов, организаций потребителей и т. д.) регулирования экономики.

Именно эти переходные формы (возникновение которых вполне закономерно для зрелого способа производства), как и лежащая в их основе борьба рабочих за более достойные условия существования, и обеспечили странам наиболее развитого капитализма постепенное нарастание элементов постиндустриального производства, а вместе с этим – и преимущество в соревновании с СССР.

Советская же социально-экономическая модель именно в этот период стала утрачивать имевшиеся у нее преимущества и все более ощутимо наткнуться на ограничения, заложенные в нее еще при ее формировании в 30-е годы XX века.

Непосредственной причиной экономических трудностей, с которыми столкнулся советский эксперимент, было несоответствие системы экономических отношений, довольно эффективно решавших задачи догоняющей (по существу капиталистической) индустриализации, задачам развития на позднеиндустриальном этапе (когда индустриализация в основном завершена), а тем более – перехода на постиндустриальный этап.

Воспроизводственно-технологический аспект этого кризиса хорошо описан А. Белоусовым и А. Клепачем в серии статей в журнале «Альтернативы»⁵. Не менее важным представляется мне и мотивационный аспект. Советская система пыталась создать механизм хозяйственной мотивации, альтернативный вещно-денежному. Однако эта попытка совершалась в условиях, когда потенциал вещно-денежной мотивации был далеко еще не исчерпан, а вещно-денежные потребности не насыщены. Кроме того, сама гипербюрократизация ставила мощные препоны на пути действия альтернативной мотивации, опирающейся на принцип свободной реализации творческих способностей человека. В этих условиях цели вещно-денежной мотивации оказались для большинства населения желанными, но во многом не достигнутыми.

Однако ведь и капитализм начала XX века не был приспособлен для решения задач позднеиндустриального, а затем и постиндустриального этапа. Проблема заключалась в том, что капиталистический строй содержал в себе достаточный потенциал для эволюционного приспособления к условиям позднеиндустриального и появляющегося постиндустриального производства. Во многом это диктовалось принудительной необходимостью, исходившей от «соревнования двух систем».

Советская же система оказалась для этого чересчур окостеневшей. Ее заложенная при Сталине гипербюрократизация, бывшая неотъемлемым звеном системы, определявшим ее лицо, оказалась и основным тормозом для ее эволюции. Кроме того, устойчивость системы была подорвана размыванием классового компромисса, лежавшего в ее основе.

Кратковременный всплеск научно-технического творчества, опиравшийся на заметный рост реального потребления и качества жизни во второй половине 50-х – начале 60-х годов, обеспечил высокий темп экономического развития и пробудил надежды, оказавшиеся необоснованными. Этот последний в СССР период быстрого экономического и социального прогресса пришелся на краткий момент поверхностной «десталинизации». Однако речь на деле шла лишь о ликвидации репрессивных крайностей сталинского режима. Попытки же призвать к изменению экономического и политического устройства советского общества в духе идеалов Октябрьской революции были успешно отторгнуты системой, возглавлявшейся сталинскими выдвиженцами, глубоко проникнутыми духом сталинизма (Хрущев, Брежнев, Суслов). Не произошло даже возврата к относительно мягкому варианту бюрократической системы 20-х годов XX века.

Когда в ходе «перестройки» была поставлена задача перехода к «социализму с человеческим лицом», то оказалось, что необходимое для этого устранение системы бюрократического централизма разрушает всю сложившуюся модель «реального социализма», поскольку в ее недрах не было почти никаких широко развитых соци-

⁵ Белоусов А., Клепач А. Кризис индустриальной модели советского типа // Альтернативы, 1994, № 1(4) и 1995, № 1.

альных механизмов, способных заместить господствующую бюрократию (были лишь деформированные и рудиментарные вкрапления элементов общественной самостоятельности). Бюрократия, столкнувшись с неэффективностью старой, «сталинской» модели, лишившейся в ходе эволюции репрессивных стимулов развития, и почувствовав угрозу краха этой модели, встала перед выбором: на что менять обанкротившуюся систему? Пойти по пути поддержки постепенного развития общественной самостоятельности, социального творчества трудящихся, реальной «демократии для всех»? Или сдать в утиль социалистические лозунги и кинуться приобретать буржуазные источники дохода и буржуазные условия существования?

На самом деле бюрократия сделала свой выбор еще до начала видимого кризиса советской системы. Оказалось справедливым предвидение Троцкого, который писал: «Если, наоборот, правящую советскую касту низвергла бы буржуазная партия, она нашла бы немало готовых слуг среди нынешних бюрократов, администраторов, техников, директоров, партийных секретарей, вообще привилегированных верхов. Чистка государственного аппарата понадобилась бы, конечно, и в этом случае; но буржуазной реставрации пришлось бы, пожалуй, вычистить меньше народу, чем революционной партии. <...> Никак нельзя рассчитывать и на то, что бюрократия мирно и добровольно откажется от самой себя в пользу революционного равенства. ...На дальнейшей стадии она должна будет неминуемо искать для себя опоры в имущественных отношениях»⁶. Впрочем, Троцкий не сделал из своего анализа дальнейшего логичного вывода: сама бюрократия и составит в большинстве своем ту самую «буржуазную партию», которая свергнет советский строй.

«Перестройка» оказалась последней неудачной попыткой превратить официальную идеологию, давно ставшую ложью, в правду. Ведь невозможно одни и те же социалистические лозунги, долго служившие средством обмана масс, в одночасье превратить в программу практических действий. Бюрократия в этом вовсе не была заинтересована, и даже те немногие из ее рядов, кто искренне пытался сделать что-то в этом направлении, не могли уже рассчитывать на то, что отравленные систематической ложью идеи вдруг приобретут всеобщее доверие.

Это была одна из важных, но не единственная причина того, что лидирующим в борьбе с бюрократизированным строем СССР оказалось антисоциалистическое движение.

Приход капиталистической системы оказался неизбежным, поскольку она была *единственной реально существующей альтернативной системой, соответствующей достигнутому уровню производительных сил* и к тому же занимающей господствующие позиции в мировом хозяйстве. Она также создавала прочную иллюзию соответствия стремлению большинства насытить свои вещно-денежные потребности. Кроме того, всем была очевидной неспособность тех фракций бюрократии,

⁶Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ Культуры, 1991. С. 209–210.

которые цеплялись за сохранение старых порядков, к сколько-нибудь конструктивной работе. Интересы же трудящихся на деле не собирались защищать ни те из номенклатуры, кто хотел капиталистической эволюции, ни те, кто выступал против нее.

Что касается такой проблемы, как **международные условия гибели советской системы**, то наиболее кратко эти условия можно определить как образование исторического разрыва между попыткой социалистических преобразований в СССР и вызреванием объективных предпосылок для такой попытки во всемирном масштабе. Дело здесь не столько в самом факте изоляции СССР и «мировой системы социализма», а в том, что эта изоляция была предопределена объективными тенденциями всемирно-исторического процесса. В таких условиях борьба мировой капиталистической системы против вызова со стороны альтернативной системы имела все шансы на успех. Внутренние противоречия советского «социализма», корни которых лежали в объективной невозможности складывания новой, более прогрессивной, чем капитализм, социально-экономической системы социализма без достаточных материальных и экономических предпосылок, да еще и в национально-ограниченных рамках, позволили капиталистической системе сыграть на этих противоречиях и ускорить гибель Советской державы. Хотя материальные предпосылки социализма в СССР к тому времени были несравненно более зрелыми, чем в 20-е или 30-е годы, были утрачены социально-политические предпосылки социализма. Советский «реальный социализм» до самых последних дней своего существования так и не нашел выхода из тисков погубившей его сталинской модели.